

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

И ВСЕ НА НАШ РЕДУТ

Как хотите, господа, а это вызов (чуть не написал по старинке “друзья-товарищи”, но уже язык не поворачивается – “господа” засмеют) – под огнём художественного своеволия оказывается русская культура. Бедный пушкинский Сальери разгневался, когда слепой скрипач в трактире разыгрывал арию из “Дон Жуана”: “Мне не смешно, – говорит он, – когда маляр негодный // мне пачкает Мадонну Рафаэля”, “Мне не смешно, – ругается он, – когда фигляр презренный // пародией бесчестит Алигьери”.

Ах, Антонио, Антонио, святое дитя! Разве это посягательство? Это только простосердечная любовь бедного слепого скрипача. А вот не угодно ли в новосибирской вердиевской “Аиде” официанткой, а в “Геликон-опере” в “Аиде” же царя Египта, вылезавшего из автомата, продающего презервативы? Какой “слепой скрипач в трактире”? Сама художественная система торопится стать трактиром. На Венецианском биеннале в русской инсталляции сажают “чучело” Льва Николаевича Толстого в стеклянный куб за рабочий стол писать “Анну Каренину” и пускают в этот же куб живых кур, чтобы они гадили на Толстого. Мужика, вишь, и простоту ему подавай. Вот и получи, Лев Николаевич! А “Аню Sareninu” Лидии Ким, представленную в своё время на Нацбест, не читали? Анна-то под поездом не погибла – так, травма, на коляске ездит, но зато вырастила разбитную дочурку, которую изнасилует “поп-звезда второй величины и символ голубой тусовки” Вронский, чтобы она родила Антихриста “по заявке” одной секты, пока Левин поставляет на Запад девиц для публичных домов, а Кити сама “прирабатывает” в болгарском борделе. Все при деле.

Ну, а уж где Толстой, там и Достоевский. В московском Ленкоме у Богомолова князь Мышкин станет педофилом Тьмышкиным, которому Настасья Филипповна пишет любовное письмо кровью (после изящной паузы – “менструальной”) и всё норовит остаться для князя пятилетней, сюсюкая и не выговаривая букву “р” в слове “ребёнок”, которым она аттестует себя.

А Гоголь! Бедный Николай Васильевич! У Владимира Мирзоева дочка с матушкой в “Хлестакове” только успевают раздвигать ноги при появлении Ивана Александровича, а у Валерия Фокина в Александринке Иван Александрович и вовсе показывает “мастер-класс”, как “это” делается у них с “душой Тряпичкиным” там, в Петербурге, со всеми подробностями, вызывая нетерпеливое матушкино желание сменить дочку. Всюду жизнь.

И у Александра Сергеича в “Графе Нулине”, если сказано “Наталья Павловна раздета”, так она и будет раздета, и коли “и граф раздет уже совсем”,

так он и будет “совсем”. И вот уже даже в Большом в “Руслане и Людмиле” дирижёр спектакля Владимир Юровский остерегает родителей, чтобы они не вздумали брать на спектакль детей, потому что Руслан там будет бомж, Людмила будет коротать дни в психушке, а Фарлаф исполнять мужской стриптиз на столе.

Остановимся! Не будем льстить низости повторением её “находок”. Взялись, взялись “господа либералы” за родную культуру. Давно взялись. Ох, не зря Василий Васильич Розанов печалился, что поживи Пушкин подольше, не делились бы мы на славянофилов и западников – стыдно было бы его целостности. А уж как господа-западники забыли, что в пору Герцена в них со славянофилами ещё билось “одно сердце”, и как заглядывались, ища одобрения ТАМ, так и не останавливаются. Не будем подозревать русского либерала в “прикармливание” – он бескорыстен, ему довольно одобрительного кивка маркиза де Кюстина, как бы маркиз ни звался в последующие века. Фёдор Михайлович ещё в 80-е годы XIX века видел их насковзь и читал их “программу”, как с листа: “Мы намерены образовать наш народ помаленьку, переделав его национальность на иную. Образование построим на отрицании его прошлого, а чуть выучим народ грамоте, начнём оболыщать его Европой. Заставим его устыдиться своего лаптя и квасу... И когда он застыдится своего прошлого и проклянет его, тогда уж он наш...” Больно и тяжело читать, словно Фёдор Михайлович из нашего нынешнего окна смотрит: “...русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи... на самую Россию... Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нашем либерале смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё... Эту ненависть иные либералы наших принимали чуть не за истинную любовь к Отечеству... но теперь уже стали откровеннее и даже слов “любовь к Отечеству” стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили, как вредное и ничтожное”...

Недуги всё старые. А этот старше всех. “Мы любим муз чужих игрушки, чужих наречий погремушки, а не читаем книг своих”, – горько посмеивался ещё Александр Сергеевич, не ведая, что, может, лучше бы уж чужие читали, чем увечить свои. Александра Сергеевича щадили дольше всех, но поняли, что пока его не повалишь, и остальные продержатся. И вот уж учёные господа (свои! свои!) пустились доказывать, что никакого праха Пушкина в Святогорском монастыре нет, что ссылки в Бессарабию не было, а была “командировка” – поглядеть, лояльны ли там местные народы. И дуэли не было, а была пустая имитация с лёгким ранением и бегство во Францию, чтобы там укрыться под псевдонимом Александр Дюма. Тут все начинают смеяться. Кроме господ учёных. И расторопного ТВ. Первый канал уже едет в Михайловское к Георгию Николаевичу Василевичу и ко мне за подтверждением этой “правды”. “После Пушкина, – писал ещё в 1920-м, не самом спокойном для России году Кирилл Зайцев, – нет места унынию, и в нём находить себе примирение и оправдание вся русская действительность”. “Как это “примирение и оправдание, – так и вскинется господин и нынешний “толкователь” классики, – да за чем же мы тогда силы-то на расшатывание тратим?”

Бедный Георгий Иванов в отчаянии писал в эмиграции: “Россия – счастье, Россия – свет. // А, может быть, России вовсе нет? И над Невой закат не догорал, и Пушкин на снегу не умирал?..” Тогда уж совсем смерть. Не знал, что господа постараятся лишить его и последней пушкинской опоры. Какая Россия? Какой Пушкин? Довольно мифологии! Хватит “лаптя и квасу”. Классики, вишь, они. А мы вот нарисуем вам на портретах усы и очки, как в школьных учебниках, а вырастем, пустим кур – пусть гадят и пусть похотливая Коробочка в Гоголь-центре расстегнёт ширинку Павла Иваныча Чичикова губами...

Говорят, умный американский идеолог Аллен Даллес после войны придумал, что можно покончить с Россией и без бомбы, и составил целую программу, которую нам осталось только выполнить. Послушайте-ка: “Окончится война... и мы бросим всю материальную мощь на одурачивание людей, посеяв в России хаос. Мы незаметно подменим их ценности. Мы найдём единомышленников в самой России... Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников (понимал, что “так

называемых”. – **В. К.**), которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма”. Понимал старик Аллен и то, что кто-то и воспротивится, так и это предусмотрел: “Мы поставим их в беспомощное положение, превратим в посмешище и найдём способ оболгать”.

“Так называемые-то”, ответившие на призыв Даллеса, конечно, поспешили назвать эту доктрину “фальшивкой”, что на самом деле они только “свободны”. А вот “свобода-то”, понятая как своеволие, и была крючком. Ах, свобода, свобода! Как знали её пределы лучшие из поэтов. “Пушкин, тайную свободу // Пели мы вослед тебе. // Дай нам руку в непогоду! // Укрепя в немой борьбе!” – молил Александр Блок. “Тайную” как мужественную и умную, исповедующую своё, а не подсвистывающую чужому.

Тут бы и впасть в отчаяние, видя разгулявшееся зло, которому попереёк слова не скажи, чтобы не вписали в цензоры и мракобесы и не обозвали бранным словом “патриот”. А только родной язык наш ещё за себя постоит, потому что с ломоносовской поры знает: “Языка нашего небесна красота не будет никогда попрана от скота” и со школьной скамьи помнит и тургеневское: “Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу”. Нет, нет, прав Кирилл Зайцев – “После Пушкина нет места унынию”.

Слава Богу, лучшие театры и лучшая словесность не боятся быть оболганными и помнят “заповеди блаженства” русской классики и не торопятся сдать их “цивилизованному человечеству”.

Ну что ж, вызов – так вызов. “Иль нам с Европой спорить ново? // Иль русский от побед отвык?” Только попристальнее взглядимся в своё слово и, коли ввернулся бы “бес своеволия” (художники же, а он знает, в каких краях искать добычу), вспомним, что “Слово было у Бога, и Слово было Бог”, и Кирилл и Мефодий опять принесут нам азбуку, омытую любовью и Истиной, и Древо познания не заслонит от нас спасительного Древа жизни.

А там посмотрим, чья возьмёт!

Псков